

Туземцам острова Борнео светляки

на острых спицах служат

свечками - судьба писателей.

Дмитрий Мережковский, *Было и будет* (1915)

## **ВВЕДЕНИЕ**

Федор Сологуб назвал одну из статей, написанных им в годы Первой мировой войны, «Почему символисты приняли войну». По Сологубу, русские символисты в 1914 году приветствовали начало войны не потому что она являла собой борьбу за отвоевание территорий или экономическое влияние, а потому, что феномен такой войны на духовном уровне находился в гармонии с их картиной мира. В своих произведениях символисты последовательно выражали презрение к современному им миру и пророчествовали о грядущем катаклизме. Война таким образом представляло собой не только наказание для человечества, но и начало пути к новому, измененному, миру, и поэтому была принята символистами. Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Сологуб цитирует стихи Валерия Брюсова и Вячеслава Иванова. Вероятно, лишь скромность не дает ему привести отрывки собственных произведений. И всё же заявление Сологуба есть некое упрощение. Возможно, осознавая это, он изменил название статьи для публикации в 1917г. на менее вызывающее – «Держание до конца». В действительности же отношение символистов к Первой мировой войне было значительно сложнее и вовсе не сводилось к дихотомии «принятие - отрицание». Их неоднозначное восприятие революций 1917 г. лишь подтвердило невозможность каких бы то ни было деклараций от лица всех символистов. Важная глава в истории русской литературы шла к своему завершению.

Символизм представлял собой влиятельнейшее литературное направление рубежа 19-20 вв., которое объединило под своими знаменами величайших поэтов эпохи. Именно эти выдающиеся имена привлекали к себе внимание специалистов-литературоведов, а символизм как направление долгое время рассматривался только в контексте общей истории русской литературы. Исключение, пожалуй, составляют книги Рональда Петерсона «История русского символизма» (1993) и Аврил Пайман «История русского символизма» (1994), в которых, тем не менее, период 1914-1918гг. представлен довольно ограниченно. В 1910-е годы символизм теряет свою

ведущую роль в культуре в результате внутреннего кризиса и многочисленных внешних факторов, в связи с этим попытки определить общие черты и направления заключительного периода существования этого некогда мощнейшего течения в искусстве предпринимались довольно редко.

Возникший как некое противодействие реализму в литературе русский символизм не согласовывался с эстетическими идеалами Советской России. В результате советская литературная критика в течение долгого времени рассматривала символизм с нескрываемой враждебностью. Исключение делалось, пожалуй, лишь для «советских символистов» Блока и Брюсова. Тема «Символизм и революция 1905 года» интересовала критиков-марксистов постольку, поскольку участие поэтов-символистов в борьбе с самодержавием могло быть представлено как победа революционного направления над реакционной литературной программой. Значительно меньше внимания уделялось теме «Символисты и Октябрьская революция», и аргументация оппонентов большевиков никогда не рассматривалась в деталях советской критикой.

Вопрос отношения русских писателей к Первой мировой войне стал популярной темой в советском литературоведении в период между двух мировых войн. Партийные критики, такие как Владимир Ермилов и А.Волков, с нескрываемым наслаждением разоблачали символистов, поддержавших участие России в Первой мировой войне, «великой бойне», как это принято было описывать, на фоне антивоенной позиции «демократических реалистов». В полном соответствии со своей классовой принадлежностью эти так называемые модернисты, за исключением разве что Блока, представлялись шовинистически настроенными прислужниками капитализма и русского империализма. Фактически как аксиома воспринималась связь: тот, кто не принял советскую власть в 1917-м, был ура-патриотом в годы Первой мировой. В результате отношение к войне, например, эмигрантов Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус воспринималось абсолютно искаженно. «Животная ненависть» этих писателей к советской власти обернулась животной ненавистью к ним советских литературных критиков. Очень показательна в этом отношении монография Ореста Цехновицера 1938 года «Литература и мировая война». Цехновицер собрал огромный корпус материала, включающий примеры из английской, французской и немецкой, а также русской литературы. Автор пытался проследить связи между литературой предвоенной и военной поры. В каком-то отношении Цехновицера можно даже считать пионером в своей области, но слабость его работы очевидна и вместе с тем очень

симптоматична для своего времени. Идя на поводу у идеологически выраженных симпатий и антипатий, автор предпочел просто игнорировать факты, не вписывающиеся в его жесткую схему. Исследование Цехновицера задало тон более поздних работ по этому вопросу, однако опыт Второй мировой войны изменил его основные установки. Патриотизм перестал быть бранным словом, а литературный образ германского врага перестал рассматриваться как клеветнический, навязанный русской империалистической пропагандой. Тем не менее, попытки всесторонне представить обсуждаемый вопрос в литературоведении больше не предпринимались.

Целью настоящего исследования является описать и проанализировать отношение символистов к событиям 1914 – 1918 годов. Особое внимание уделяется восьми крупнейшим именам русского символизма. Это Константин Бальмонт, Андрей Белый, Александр Блок, Валерий Брюсов, Зинаида Гиппиус, Вячеслав Иванов, Дмитрий Мережковский и Федор Сологуб. Младшие символисты, а также писатели, лишь незначительно соприкасавшиеся с этим литературным направлением, не включены в фокус нашего исследования, поскольку их роль в литературе рассматриваемого периода не была столь определяющей. Мы уделяем особое внимание отношению символистов к событиям Первой мировой войны и двух революций 1917 года, их восприятию образа России, ее друзей и врагов, а также их разнообразным концепциям роли искусства в эпоху кризиса. Материалом для работы послужили фрагменты литературных произведений и публицистических работ обсуждаемого периода, в которых непосредственно просматривается отношение к войне и революции. В числе источников также биографические материалы, такие как интервью, дневники, письма.

Принято считать, что сама по себе Первая мировая война не дала рождения сколь-нибудь значительному литературному течению в России. Наиболее значительные литературные произведения этого периода сосредоточены вовсе не на социально-политических реалиях эпохи. И тем не менее, как позже писал Белый, мировая война полностью изменила «тональность творческого письма». Период 1914-1918 годов, завершающий целую историческую эпоху, нашел свое отражение в творчестве всех современных ему писателей. Особенно это относится к русским символистам, которые считали себя не только чувствительными сейсмографами современности, но и пророками грядущих событий.